***Н. В. Трофимова***

# «ТАКО ЛИ МНѢ ЧАСТИ НѢТУ В РУСКОИ ЗЕМЛИ?»
## (Из истории летописной повести о междоусобной войне 1149 г.)

Летописи сохранили множество повестей о битвах русских князей за власть в Киеве в XII веке. Эти тексты то более, то менее подробны, одни приводят факты, не объясняя их причин, другие дают подробные мотивировки. Летописцы могут характеризовать исторических лиц, действующих в тех или иных конфликтах, а могут лишь упоминать их, иногда прямо высказывают свою точку зрения, в других случаях стремятся быть объективными. На примере повести, рассказывающей о войне киевского князя Изяслава Мстиславича против Юрия Долгорукого в 1149 г., прослеживаются разные типы работы книжников.

В Ипатьевской летописи текст представляет собой пространную воинскую повесть событийного типа[1]. Первая часть ее рассказывает о причине конфликта, которой послужило изгнание оклеветанного киевлянами Ростислава Юрьевича из волостей, данных ему Изяславом Мстиславичем, в результате чего Юрий выступил против киевского князя. Это повествование строится на передаче речей персонажей, прежде всего документальных, представленных в сообщениях о посольствах. Этикет посольских речей был изучен Д. С. Лихачевым, который отметил устную традицию их передачи, устойчивость форм и высокую культуру[2]. Эти речи не только «значительны по содержанию, существенны для понимания исторических событий»[3], но, как и другие типы речей в рассматриваемой повести, имеют сюжетное и характеристическое значение.

Первая из посольских речей — слова Изяслава, который поверил людям, обвинявшим Ростислава в желании захватить власть в Киеве в случае поражения Изяслава, пошедшего против Юрия. Киевский князь укорил Ростислава в предательстве, напоминая, что он доверил ему Киев на время своего отсутствия. В его словах есть элемент иллюстративной речи: Изяслав напоминает о событиях, происшедших ранее и известных читателю по летописной статье 1148 г. Тогда Ростислав, которому отец не дал волости в Суздальской земле, пришел в Киев и получил города от Изяслава. Речь подчеркивает доверчивость киевского князя и выражает его гнев и обиду.

Ответ Ростислава, переданный также через посла, раскрывает чувства говорящего: обиду на несправедливые упреки и стремление установить истину на княжеском суде, в котором Изяслав отказывает ему, требуя, чтобы Ростислав покинул Киев.

В этой части использованы и сюжетные речи, мотивирующие развитие повествования и раскрывающие побуждения действующих лиц. Например, слова Ростислава, адресованные отцу по возвращении из Киева, содержат призыв к Юрию идти на Изяслава не только за обиду сына, но и потому, «оже хощеть тебе вся Руская земля и черныи клобукъ» (373)[4]. Это дополнение говорит о Ростиславе как о человеке умном и дальновидном, который понимает, что, возможно, отец не захочет вступиться за ослушавшегося его сына, но непременно выполнит его просьбу, если будет надеяться на захват Киева. В сюжетном отношении эта речь мотивирует решение Юрия и способствует дальнейшему развитию действия.

Центральная часть повести содержит подробный рассказ о походе и решающей битве. Повествование о сборе союзников Изяславом и Юрием, отражающее сложные отношения князей, в значительной мере ведется через речи послов и изображение княжеских советов. Все реплики способствуют развитию действия и одновременно ярко характеризуют героев. Владимир Давидович, помня крестное целование, данное Изяславу, предупреждает его о начавшемся походе Юрия, а затем дает согласие присоединиться к его войску, подтверждая тем самым верность данному слову и преданность сюзерену.

Иначе ведет себя Святослав Ольгович, также связанный клятвой, данной киевскому князю. Он не дает сразу ответа послам Изяслава и держит их у себя неделю, охраняя, чтобы они ни с кем не сообщались, а сам отправляет посла к Юрию, чтобы узнать, действительно ли он вышел в поход, и просит не губить его земли. Получив утвердительный ответ, Святослав наконец отпускает послов Изяслава, ставя ему условие: «А вороти ми товара брата моего со што любо, а я с тобою буду» (375). Эта речь свидетельствует о хитрости князя, якобы желающего получить имущество убитого в Киеве брата Игоря, а на самом деле стремящегося найти повод не помогать Изяславу.

Уловка Святослава не достигает цели: посол не только передает киевскому князю его речь, но и сообщает о его переговорах с Юрием. При этом он приводит слова последнего, произнесенные в ответ на посольство Святослава, которые летописец ранее не поместил: «Како хощю не въ правду ити? Сыновець мои Зяславъ на мя пришедъ волость мою повоевалъ и пожеглъ и еще и сына моего выгналъ из Русьскои земли и волости ему не далъ и соромъ на мя возложилъ. А любо

соромъ сложю и земли своеи мьщю, любо честь свою налезу, пакы ли а голову свою сложю» (375—376). Не случайно эта речь приведена не в момент ее произнесения, а значительно позже: она не имеет существенного сюжетного значения, потому что читателю уже известно о неколебимости решения Юрия выступить в поход. Но привести ее летописцу было необходимо, чтобы подчеркнуть побуждения Юрия, обиженного Изяславом и желающего восстановить свою честь.

Посольство Юрия и Святослава к Владимиру и Изяславу Давидовичам с призывом идти против Изяслава Мстиславича не увенчалось успехом. Князья Давидовичи сослались на крестное целование, данное киевскому князю, но, между прочим, припомнили Юрию, что он не помог им, как обещал, когда Изяслав напал на их земли и сжег города. И, хотя они добавили, что «душею не можеве играти» (377), имея в виду данную клятву, читателю ясно, что руководило ими не только чувство долга, но и обида на Юрия. Таким образом, ряд посольских речей служит мотивации событий, раскрывая перед читателем все хитросплетения княжеских отношений и представляя личности персонажей.

Речь, переданная послами Юрия Изяславу, в основном иллюстративная: князь перечисляет беды, принесенные ему противником («се, брате, на мя еси приходил, и землю повоевалъ, и старѣишиньство с мене снялъ»), но затем содержит просьбу отдать Ростиславу Переяславль, чтобы предотвратить начинающуюся усобицу: «Ныне же, брате и сыну, Рускыя дѣля земля и християнъ дѣля не пролѣиве крови христьянскы, но даи ми Переяславль, атъ посажу сына своего у Переяславли, а ты сѣди царьствуя в Киевѣ. Не хощеши ли того створити, за всимъ Богъ» (380). Юрий выступает в роли миротворца, желающего восстановить справедливость, при этом не претендуя на Киевское княжество.

Последняя из посольских речей во время сбора войск, обращенная Изяславом к брату Ростиславу и содержащая просьбу о помощи, имеет сюжетное значение: Ростислав в ответ приводит своих воинов.

Сюжетную роль и одновременно функцию детализации повествования выполняют речи бояр и князей, обращенные к Изяславу, которые приведены в двух эпизодах во время военных действий. На первом совете с союзниками, в ходе которого решался вопрос о переправе через Трубеж навстречу войску Юрия, часть дружины и бояр говорила: «Княже, не ѣзди по немъ. Отъяти перешелъ земли а трудился, а сдѣ пришедъ не успѣлъ ничтоже, а то уже поворотися прочь, а на ночь отидеть, а ты, княже, не ѣзди по немъ» (380—381). Другие же советовали вступить в бой. Изяслав выбрал битву, несмотря на аргументы, приведенные противниками этого решения.

Во втором случае мнения князей-союзников Изяслава вновь разделились: одни советовали отпустить Юрия к обозам и не преследовать его, другие же требовали идти на врага. Изяслав вновь выбрал битву, в которой потерпел поражение. В данном случае речи княжеских советников непосредственно готовят кульминацию событий, создавая дополнительное напряжение в сюжетном развитии, поскольку дважды ставят героя в ситуацию выбора.

Сюжетное значение имеют и речи второстепенных персонажей. Пленный половец сообщает Изяславу о плане Юрия раньше него подойти к Переяславлю, поэтому киевский князь срочно посылает вперед младших князей и войско черных клобуков. Святослав Ольгович говорит Юрию: «Брате, то намъ ворогъ всимъ Изяславъ. Брата нашего убилъ» (376), побуждая союзника к активным действиям, и в тот же день Юрий выступает с войском.

Благодаря передаче многообразных речей автор достигает последовательности и обоснованности развития действия. Те же черты заметны в центральном эпизоде — рассказе собственно о военных событиях. Передвижение войск, возникавшие перестрелки описываются с подробностями и мотивирующими деталями. Пространно описана решающая битва: показана расстановка сил, само сражение и бегство дружин князей-союзников Изяслава. В описании боя использована формула «и бысть сѣча зла», в сцене разгрома войска-формула судьбы побежденных «и многы избиша, а другия руками изоимаша» (382).

В последней части описывается судьба победителей и побежденных: Юрий вошел в Переяславль, а затем в Киев, откуда вынужден был уйти Изяслав, вернувшийся в свой город «сам третии» «месяца августа в 23 день» (383).

Окончательно судьбу Изяслава и исход событий решил диалог князя с киевлянами, в котором он спрашивал, будут ли горожане сражаться за него и его союзников. Жители Киева ответили ему пространной речью, в которой соединяются иллюстративные и сюжетные элементы: «Господина наю князя, не погубите нас до конца. Се ныне отци наши и братья наша и сынови наши на полку ови изоимани, а друзии избьени, и оружие снято, а ныне ать не возмуть насъ на полонъ. Поедита въ свои волости, а вы вѣдаета, оже намъ с Гюргемъ не ужити. Аже по сихъ днехъ где узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы» (383). Перечисляя последствия поражения, уже известные Изяславу и читателю, киевляне мотивируют ими свой отказ сражаться за князя, обещая ему помощь в дальнейшем. Речь их определяет развязку сюжета — уход Изяслава из Киева и вокняжение Юрия.

На протяжении всей повести речи способствуют сюжетному развитию и ярко характеризуют персонажей, объясняя причины их поступков, не лежащие на поверхности, связанные с предыдущими событиями и княжескими отношениями.

Каждый из героев предстает перед читателями со своими характерными качествами. Изяслав доверчив и даже легковерен, часто неспособен предвидеть развитие событий, обидчив, склонен в гневе поступать необдуманно. Юрий рисуется человеком чести, не прощающим обид и отстаивающим права своего сына. Ростислав Юрьевич — молодой, но дипломатичный князь, способный принимать и выполнять решения. Поведением эпизодических персонажей чаще всего руководят либо корыстные побуждения, либо верность данной сюзерену клятве.

Повесть, вошедшая в Ипатьевскую летопись, написана современником и свидетелем событий, киевлянином, явно стремившимся предельно подробно передать их ход[5]. При этом автор не выказывает определенных династических пристрастий, достаточно объективно характеризуя князей через их поступки и речи.

Аналогичная повесть в Лаврентьевской летописи по содержанию повторяет южнорусскую, но по литературным особенностям резко отличается от нее. В ней отсутствуют не только детальное описание хода событий, но и значительное количество диалогов и реплик, мотивирующих происходящее. Начало распре, согласно версии летописца, положили козни дьявола, который заставил бояр Изяслава клеветать на Ростислава. По этой причине становятся ненужными речи, которые в Ипатьевской летописи произносили Изяслав, обвиняющий Ростислава в измене, и Ростислав, пытающийся оправдаться. Только в дальнейшем автор начинает мотивировать события побуждениями персонажей: битва становится неизбежной, когда Изяслав узнает, что Юрий привел против него дружины не только своих сыновей, но и половцев. Его обида на Юрия оказывается двигателем дальнейших событий.

В повести по Лаврентьевской летописи в три раза меньше речей персонажей, чем в аналогичной киевской (9 вместо 32), причем все речи первой есть во второй. Некоторые из них совпадают почти полностью, как, например, речь Юрия, узнавшего об изгнании Ростислава. Другие одинаковы по смыслу, но в Ипатьевской летописи более развернуты. Такова речь киевлян, клевещущих на Ростислава: в южной повести она содержит перечисление тех несчастий, которые принесет городу и его князю выполнение коварного замысла. Совпадающие речи носят сюжетный характер: передают намерения

персонажей, воплощающиеся затем в развитии действия, и в то же время характеризуют героев, в первую очередь Изяслава, который предстает перед читателем как легковерный, действующий под влиянием чувств человек. Несмотря на требование киевлян примириться с Юрием и уговоры епископа, Изяслав стоит на своем, утверждая право в битве отстаивать земли: «Добылъ есмъ головою своею Кыева и Переяславля» (Лавр. лет., 322[6]; Ипат. лет., 380). Сюжетна и речь Юрия, дальновидного воина, предлагающего союзникам идти прежде всего на Переяславль, рассчитывая опередить войска противника.

Исключение составляет реплика епископа Евфимия, уговаривавшего Изяслава примириться с Юрием, обещавшего ему награду от Бога и избавление земли от беды. Эта речь не имеет сюжетного значения, поскольку князь не слушает совета духовного наставника. Она помогает подчеркнуть твердость намерения Изяслава отстоять свою власть в Киеве. В то же время в речи епископа содержится продолжение мысли о дьявольском происхождении княжеских распрей. Киевский князь оказывается в характерной для летописного повествования ситуации выбора: епископ рекомендует ему путь Божий, но Изяслав отвергает его, поддерживая тем самым дьявольский замысел, вследствие чего терпит поражение.

Таким образом, владимиро-суздальский летописец избрал для повествования только тот тип прямой речи, который традиционно был непосредственно связан с сюжетным построением текста и воплощением религиозно-символической идеи. Полностью отсутствуют посольские речи, игравшие важную роль в точной передаче хода событий и попутно характеризовавшие действующих лиц в Ипатьевской летописи, поэтому личности героев намечены отдельными штрихами: в Изяславе главными оказываются доверчивость и властолюбие, в Юрии — стремление восстановить справедливость и уверенность опытного полководца. Практически не раскрыты образы второстепенных персонажей, союзников Изяслава и Юрия. Реплика Святослава Всеволодовича и Святослава Ольговича сохранена в тексте и говорит об их сочувствии и готовности помогать брату Юрию. История же переговоров Святослава Ольговича с Изяславом в повести отсутствует, соответственно исчезла характеристика князя как коварного и корыстного человека. Нет речей и соответственно характеристики князей Давидовичей. Летописца интересовал главным образом ход событий, изначально имевших религиозно-символическую мотивировку, действующие лица в которых выступали преимущественно как статисты.

Все речи персонажей сосредоточены в первой части повести, поэтому ход событий в ней мотивирован и последователен. Описание битвы характерно для владимирской традиции: оно кратко и отмечает лишь основные этапы сражения. Упоминаются позиции, с которых выступали противники, описательно названо время начала битвы («яко солнцю заходящю» —322), в описании сражения использованы те же две формулы, что и в Ипатьевской летописи.

Третья часть лаконично и точно сообщает о продвижениях войск побежденных и победителей и вокняжении Юрия в Киеве и Ростислава в Переяславле. Герои в последних двух частях не характеризуются, но в их судьбах получает завершение провиденциальный мотив: князь, последовавший дьявольскому умыслу, наказан поражением, а Юрий, чей сын пострадал невинно, приходит в Переяславль, а затем в Киев, «хваля и славя Бога» (322), причем эти слова сопровождают сообщения о приходе князя в оба города.

Повествование, как и в аналогичном тексте Ипатьевской летописи, слагается из цепи эпизодов, но явно относится к информативному типу. Рассказ о событиях заменяется краткими сообщениями, главные герои лишаются многих важных черт, облик их маловыразителен, изображение битвы дано в сочетании воинских формул и отдельных конкретных деталей. Благодаря религиозно-символическим мотивировкам событий особенно ясно выступает дидактический замысел летописца и его несомненная симпатия к Юрию, князю Владимиро-Суздальской земли, где составлялась эта часть летописи.

В более поздних летописях обнаруживаются новые черты по сравнению с двумя древнейшими текстами. В Московском своде конца XV в. текст повести ориентирован на вариант Лаврентьевской летописи, внесены лишь отдельные изменения, причем сокращения преобладают над вставками. Дополнение обнаруживается лишь в речи Изяслава и внесено оно, очевидно, с целью подчеркнуть причину нежелания князя мириться с Юрием. В Лаврентьевской летописи князь говорил: «Добылъ есмь головою своею Кыева и Переяславля» (322), в тексте Московского свода добавлено: «а ныне ли ми ихъ отступитися?» (66)[7].

Сокращения коснулись прежде всего начала повести. Редактор опустил слова о том, что клевета киевлян на Ростислава была вызвана дьявольским наущением. Вероятно, летописцу религиозно-символическая мотивировка показалась излишней, поскольку в повести оставалось объяснение дальнейших событий умыслом «злых людей».

В описании битвы сняты рассказ о бегстве полков с поля боя и формула судьбы побежденных. В этом, видимо, сказалось стремление избежать излишних подробностей.

Проведенная работа сделала текст более сдержанным и объективным, что в целом соответствовало манере московских летописцев этой эпохи.

Вариант Тверского сборника также сходен с вошедшим в Лаврентьевскую летопись, но изменения здесь довольно значительны. Редактор дал повести название: «О брани Юриевѣ съ Изяславомъ». Начинается она оригинальным вступлением — рассуждением о дьявольских кознях, заставляющих злых людей подстрекать князей к междоусобным битвам: «Въ то же время Юрий прииде обычаемъ таковымъ: злыи человѣци, диаволомь подгнѣщаеми, яко огнь сѣно зжагають, тако и сии, въздвигнувши вражду въ государехъ ихъ, въ грѣхъ и срамъ въводять, а сами погыбають злѣ, якоже речено в писаниихь: злии злѣ погыбоша» (213)[8](ср. Пс 33:22). Летописец, варьируя многократно встречавшееся в летописях объяснение междоусобных войн дьявольскими кознями, дает резкую оценку зачинщикам усобиц с помощью яркого сравнения и библейской аллюзии.

Завязка действия — наветы бояр и изгнание Изяславом Ростислава — переданы более кратко, чем в ранней повести. Сокращение достигается отсечением части прямой речи, в которой сохранено только главное обвинение, выдвинутое против Ростислава: «хотѣлъ сѣсти вь Киевѣ» (213); более кратким определением действий Изяслава, наделенным в то же время отсутствующей в раннем тексте отрицательной оценкой: «ограби Ростислава» (213)(в Лаврентьевской летописи — «отима у него имѣнье и оружье и конѣ и дружину его исковавъ расточи» — 320).

Речь Юрия по приезде сына расширена дополнительной репликой: горестно вопрошая, ужели ему и его детям нет части в Русской земле, он добавляет: «или не отецъ мнѣ былъ князь великий Владимир Манамахъ?» (213). Дальше автор последовательно сократил повествовательные элементы, снял переговоры Изяслава с киевлянами, говоря об их нежелании помогать князю. Сокращена до одной реплики речь епископа Евфимия. Сохранена в полном объеме только речь Изяслава о его обиде на Юрия за то, что тот привел Ольговичей и половцев, и так же, как в Московском летописном своде конца XV в., распространяется слегка видоизмененная реплика в ответ на слова Евфимия: «*добыли есми своимь потомь* Киева и Переяславля, **а нынѣ ли ми ся отступити**?» (214). В таком виде эта реплика более определенно выражает мысли героя и обосновывает его намерение биться с Юрием.

Все описание битвы сведено к двум формулам: начала боя, вариант которой был и в древней редакции, и введенной автором Тверско-

го свода формуле Божьей помощи. В последней части все сообщения тоже сокращены, но появляется новый элемент: чудо у некоего неизвестного «града высока», у которого были побиты половцы, шедшие с Юрием. Автор поясняет: «бѣ же то не градъ, но село святыа Богородица Печерскаа, а града николи же не бывало» (214). Можно предполагать, что этот эпизод помогает летописцу, в целом сочувствующему Юрию, выразить свое несогласие с приглашением половцев против русского же князя.

Таким образом, летописец, перерабатывая древний текст, изымает детали, мало интересные для его современников, придавая в то же время рассказу ярко выраженный дидактический характер за счет введения рассуждения в начале и чуда в конце повествования.

В передаче событий Никоновской летописью также заметны новые черты. Как и в редакции Московского летописного свода, в начале повести снята религиозно-символическая мотивировка событий умыслом дьявола, замененная оценкой летописцем клеветников: «злии человѣци» (179)[9].

В дальнейшем переработка повести приобретает определенную направленность. Во-первых, автор стремится четко выявлять связь событий. Об этом говорят два эпизода. В рассказе о сборе войск Юрием летописец передает самому князю реплику, ранее приписанную летописцами Святославу Всеволодовичу и Святославу Ольговичу, с призывом идти на Изяслава — убийцу Игоря Ольговича. Если в древней редакции повести приход этих князей на помощь Юрию не был мотивирован его призывом, то редактор Никоновской летописи объясняет появление у Юрия союзников его речью о том, что Изяслав враг им всем, в первую очередь Ольговичам.

Для того чтобы подчеркнуть могущество войска Юрия и объяснить дальнейшую остановку в пути на месяц в ожидании союзных половцев, автор добавляет: «И сице совокупившеся послаша по половци, и по угры, и по чяхи, и по ляхи…» (180).

Эпизод, в котором автор меняет последовательность фрагментов, — рассказ о том, как Изяслав принял весть о выступлении Юрия и собирал союзников. В Лаврентьевской летописи он помещен после повествования о передвижении войск Юрия и перестрелке между ними и засадой брата Изяслава Владимира. В Никоновской летописи сообщения о передвижении войск и сборе союзников Изяславом перенесены и стоят вслед за фрагментом, рассказывающим о решении Изяслава биться с Юрием. Редактор дважды упоминает о том, что Юрий с союзниками ожидали «покорениа» от Изяслава: сначала у Белой Вежи, куда должны были подойти половцы,

а потом у Переяславля, но он «ни единаго слова не даде им» (180) (фраза повторена в обеих ситуациях). Затем помещены слова Изяслава, пересказывающие реплику, данную в древней редакции, о готовности мириться с Юрием, если бы он не взял в союзники Ольговичей и половцев. Вслед за этим автор рассуждает о том, что Изяслав надеялся на свою силу, «а помощь отъ Бога есть» (180), и далее приводит библейские цитаты, подтверждающие эту мысль: «егоже хощетъ, смиряеть, а егоже хощеть, высить, возставляетъ отъ земля нища, и отъ гноища воздвизаетъ убога, посадитъ его съ силными людми и на престолѣ славы наслѣдствуя его; смиреннымь бо благодать даеть Господь Богъ, гордымъ же противляется» (180)(ср.: 1Цар.2:7,8; Пс.112:7, 146:6, Иак. 4:6 или 1 Петра 5:5). Таким образом, дальнейший ход событий мотивируется упорным нежеланием закончить дело миром, выраженным словами Изяслава, и предсказывается авторским отступлением, при этом киевский князь представлен гордым своей силой.

Внесены изменения и в повествование о подготовке войска в Переяславле. Редактор приводит не одну, а две речи епископа Евфимия Переяславского к Изяславу, в разных вариантах передающие мысль о необходимости примирения с Юрием. Первая из реплик заменяет собой слова киевлян в Лаврентьевской летописи, которые говорили о нежелании вступать в битву с Юрием и уговаривали мириться. В Никоновской летописи реплику киевлян автор опускает, поскольку ранее уже было сказано о приходе Изяслава в Переяславль, а возможно, и потому, что в своде, связанном с централизованной великокняжеской властью, редактору казалось неуместным ссылаться на мнение горожан. Роль же епископа как духовного наставника в XVI в. осознавалась как непреложная. Двукратное обращение епископа к князю создавало дополнительное сюжетное напряжение и подчеркивало гордость и нежелание мириться Изяслава. Примечательно, что после второй речи епископа автор распространил реплику Изяслава: «добылъ есми великое княжение Киевское и Переаславское великимъ трудомъ и потомъ» словами: «а нынѣ ми ся велите оставити таковыа державы» (180), а затем комментирует ее: «Еуфимей же епископъ Переаславский глаголаше ему о любви и о мирѣ, а не о оставлении великого княжениа Киевскаго» (180). Такое дополнение текста ранней летописи служит более детальной характеристике героя и выражению позиции летописца-редактора.

Все существенные изменения, внесенные в текст повести, таким образом, направлены на мотивировку сюжетных ходов, придание

прагматической последовательности повествованию, создание образов князей и четкое выражение взгляда летописца на события.

Второе направление работы редактора — приспособление стиля к нормам эпохи. Так, в абсолютном большинстве случаев князья именуются по отцу, а Юрий даже с прозвищем «Мономашь». Кроме этого, повествование тяготеет к распространению, детализации. В этом отношении очень характерен эпизод изгнания Ростислава. В Лаврентьевской летописи он краток и передает лишь основные действия персонажей. В Никоновской летописи изложение тех же событий гораздо более пространно.

| Лаврентьевская летопись | Никоновская летопись |
|---|---|
| «Изяславъ же послушавъ ихъ, отъима у него имѣнье и оружье и конѣ и дружину его исковавъ расточи, а Ростислава всади в ладью толико самого ли четверта пусти и къ отцю»(320). | «**Князь велики же Киевский** Изяславъ Мстиславичь **оскорбися зѣло, и советовавъ з бояры своими,** и отья отъ него **грады вся, и власти, и богатство,** и имѣние и оружие и кони, **а бояре его и слуги его переимавъ всѣхъ, и овѣхъ скова оковы желѣзными, и въ темницахъ каменныхъ затвори и стражие крѣпци пристави, овѣхъ же, по инымъ градомъ разведъ, въ темницахъ затвори; а князя** Ростислава **Юрьевича ограби,** и всади въ лодью, и посла ко отцу **его въ Суждаль къ великому князю Юрью Владимеричю Маномашу** токмо самого четверта» (179). |

Редактор Никоновской летописи из краткого сообщения о событии создал пространную и выразительную картину расправы с мнимым предателем Ростиславом и его окружением за счет использования большого количества деталей, составляющих перечислительные ряды и оформленных яркими эпитетами. Этот фрагмент подчеркивает несправедливость Изяслава, которую не акцентировали предшествующие летописцы.

В результате изменений, внесенных в повествование, отчетливо проявляются симпатии летописца к Юрию и его сыну и осуждение Изяслава. Такая позиция редактора не случайна: ведь Юрий Владимирович был предком московских князей, а к их роду авторы XVI в. проявляли особое внимание.

Итак, в истории текста о событиях 1149 г. наблюдаем две основных разновидности воинской повести. Событийная характеризуется подробной передачей хода событий, детализацией, вниманием к историческим лицам, выражающимся в использовании большого количества речей героев, выполняющих сюжетную и характерологиче-

скую функции. Позиция редакторов проявляется через отдельные реплики, а также структурные изменения и распространение текста в позднем своде. К этой разновидности принадлежат редакции Ипатьевской и Никоновской летописи, разделенные значительным промежутком времени, но близкие по тем установкам, которые были у авторов. Первый из них ставил цель как можно подробнее передать ход современных ему событий и зафиксировать роль каждого из князей в них. В Никоновской летописи, самой далекой по времени от произошедших событий, проявились общие черты стиля, свойственные историческому повествованию эпохи: внимание к изображению исторических личностей, стремление к детализации, использование экспрессивных средств.

Информативная разновидность повести открыто дидактична, летописцы используют провиденциальную мотивировку событий, уделяют значительно меньшее внимание их ходу и изображению исторических персонажей. Не случайно изначальным образцом для всех вариантов этой разновидности послужило повествование Лаврентьевской летописи, авторы которой в целом не склонны были в подробностях изображать военные события, зато очень большое внимание уделяли нравственным урокам, которые можно извлечь из повествований о междоусобных войнах. Последующие редакторы прибегли к дополнительным объяснениям и ввели новые элементы в повествование, развивая дидактическую идею первоначального текста.

## Примечания

[1] О типологии летописных воинских повестей см.: *Трофимова Н.В.* Древнерусская литература. Воинская повесть XI—XVII веков. М.: «Флинта»:«Наука», 2000. С. 10—12.

[2] *Лихачев Д.С.* Русский посольский обычай XI — XIII вв. // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. — Л.: «Наука», 1986. — С.140—153.

[3] Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. — Л.: «Наука», 1970. С.55

[4] Здесь и далее текст цит. по изд.: Ипатьевская летопись/ ПСРЛ. — М.: «Языки русской культуры», 1998. — Т.2. — с указанием столбца в скобках

[5] Б.А. Рыбаков доказывал принадлежность данного текста «летописи Изяслава Мстиславича», написанной Петром Бориславичем. См., например: *Петр Бориславич.* Поиск автора «Слова о полку Игореве». — М.: «Молодая гвардия», 1991. — С.207—232.

[6] Здесь и далее текст цит. по изд.: Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. — М.: «Языки русской культуры», 1997. — Т.1. — с указанием столбца в скобках

[7] Здесь и далее текст цит. по изд.: Московский летописный свод конца XV века / Русские летописи. — Рязань: «Узорочье», 2000. — Т.8. — с указанием страниц в скобках

[8] Здесь и далее текст цит. по изд.: Тверской сборник // ПСРЛ. — М.: «Языки русской культуры», 2000. — Т.15. — с указанием столбца в скобках

[9] Здесь и далее текст цит. по изд.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / ПСРЛ.- М.: «Языки русской культуры», 2000. — Т.9. — с указанием страниц в скобках